

ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

IVANOVO STATE POWER UNIVERSITY

СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOLOV'EVSKIE ISSLEDOVANIYA

SOLOVYOV STUDIES

Выпуск 1 (45) 2015

Issue 1 (45) 2015

Редакционная коллегия:

М.В. Максимов (гл. редактор), д-р филос. наук, г. Иваново, Россия
А.П. Козырев (зам. гл. редактора), канд. филос. наук, г. Москва, Россия
Е.М. Амелина, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
А.В. Брагин, д-р филос. наук, г. Иваново, Россия
И.И. Евлампиев, д-р филос. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
И.А. Едошина, д-р культурологии, г. Кострома, Россия
К.Л. Ерофеева, д-р филос. наук, г. Иваново, Россия
О.Б. Куликова, канд. филос. наук, г. Иваново, Россия
Л.М. Максимова, канд. филос. наук, г. Иваново, Россия
Б.В. Межуев, канд. филос. наук, г. Москва, Россия
В.И. Моисеев, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
С.Б. Роцинский, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
Е.А. Тахо Годи, д-р филол. наук, г. Москва, Россия
С.Д. Титаренко, д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
Д.Л. Шукуров, д-р филол. наук, г. Иваново, Россия

Международная редакционная коллегия:

Р. Гольдт, д-р философии, г. Майнц, Германия
Н.И. Димитрова, д-р филос. наук, г. София, Болгария
Э.Ван дер Зверде, д-р философии, г. Неймеген, Нидерланды
Я. Красицки, д-р филос. наук, г. Вроцлав, Польша
Б. Маршадье, д-р славяноведения, г. Париж, Франция

Адрес редакции:

153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, ИГЭУ, кафедра философии,
Российский научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьёва

Тел. (4932), 26-97-70, 26-97-75; факс (4932) 26-97-96

E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru

<http://www.solovyov-seminar.ispu.ru>

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему РИНЦ согласно договору № 580-12/2012 ЛО от 13 декабря 2012 г. с ООО «Научная электронная библиотека». Журнал зарегистрирован в базе данных Ulrich's (США).

© М.В. Максимов, составление, 2015

© Авторы статей, 2015

© Ивановский государственный энергетический университет, 2015

УДК 821.161.1:14
ББК 83.3(2)52:873(2)5

ЛЕРМОНТОВ И МИФОЛОГЕМЫ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ И СИМВОЛИСТСКОЙ КРИТИКИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА¹

Е.В. ГЛУХОВА

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
Поварская, 25а, г. Москва, 121069, Российская Федерация
E-mail: elenagluhova@mail.ru

Представлены различные интерпретации наследия М.Ю. Лермонтова в литературной критике и религиозно-философской мысли русского модернизма конца XIX – начала XX века. В центре внимания литературно-критические статьи Вл. Соловьева, С. Андреевского, В. Розанова, Д. Мережковского, Андрея Белого, А. Блока, С. Дурьлина, Вяч. Иванова. Уделено внимание двум типам мифологизации, с опорой на работы ведущих исследователей русского символизма (З.Г. Минц, Д.М. Магомедовой, И.С. Приходько, С.Д. Титаренко): биографическому мифу как одному из аспектов мифотворчества и мифопоэтике символизма. Выявлены аспекты «софийного» мифа Серебряного века. Особое внимание уделено мифотворческой роли литературной критики. Доказывается, что модернистская критика начала XX века рассматривала наследие Лермонтова как объект спора о религиозном и мистическом начале всякого творчества. Дан анализ статьи С. Андреевского, который выявил в поэзии Лермонтова значимые для картины мира русского символизма мотивы платоновского анамнесиса и мистического двоемрия. Указано на роль мифологемы поэта-пророка в биографической легенде Лермонтова о Томасе-Рифмаче, которую использует в своей статье Вл. Соловьев. Рассматривается влияние выдвинутого в статье Соловьева тезиса о «демонизме» Лермонтова на взгляды В.В. Розанова и окружение А.А. Блока. На примере статей Андрея Белого, Д.С. Мережковского, С.Н. Дурьлина утверждается, что система философско-эстетических универсалий Лермонтова органично вписывалась в мифопоэтическую картину мира русского символизма. Отмечено, что в статье С.Н. Дурьлина впервые рассмотрена семантика синего/лазурного цвета в соотношении с «софийной» мифологемой у Лермонтова. Указано на то, что в статье Вяч. Иванова обобщены общесимволистские концепции, связанные с поисками гностических оснований лермонтовской мифологемы Вечной Женственности. Делается вывод о том, что символистская и религиозно-философская критика воссоздавала целостную картину центрального, «софийного» мифа младосимволистов, проецируя его на поэтическое наследие Лермонтова.

Ключевые слова: творческое наследие М.Ю. Лермонтова, критика русского символизма, критические статьи Вл. Соловьева, С. Андреевского, В. Розанова, Андрея Белого, С. Дурьлина, Вяч. Иванова, русский символизм, религиозно-философская критика, софийная мифологема, рецепция, мифологизация, «лермонтовский миф».

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02709).

LERMONTOV AND MYTHOLOGEMS OF RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL AND SYMBOLIST CRITICIS OF THE LATE XIXth – EARLY XXth CENTURY

E. V. GLUKHOVA

A.M.Gorky Institute of World Literature Russian Academy of Science
25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation
E-mail: elenagluhova@mail.ru

The article presents an analysis of some aspects of perception heritage of Michael Lermontov on the field of literary criticism, as well as religious and philosophical thought of Russian modernism in the end of XIX – beginning of XX century. The focus is on the literary critical articles of Vladimir Soloviev, Sergey Andreevsky, Vasily Rozanov, Dmitry Merezhkovsky, Andrej Bely, Alexander Blok, Sergey Durylin, Viacheslav Ivanov. The author dwells on two types of mythologizing, based on the works of the leading scholars of Russian Symbolism (Z.G. Mintz, M.D. Magomedova, I.S. Prikhodko, S.D. Titarenko): a biographical myth, as one aspect of the mythmaking, and a mythopoetics of the symbolism, identifying aspects of «Sophian» myth of the Silver Age. Much attention is paid to the myth-making role of literary criticism. It is proved that the modernist criticism of the Silver Age regarded Lermontov's heritage as an object of dispute about the religious and mystical dimension of creativity. The article by S.Andreevsky is analyzed, he revealed the motives of anamnesis and the mystical dual world principle significant for the picture of the world of Russian Symbolism in the poetry of Lermontov. It points out the role of the poet-prophet mythologem within the context of biographical legend of Lermontov about Thomas the Rhymer, which is used in the Solovyov article. In addition, the article examines the influence of Solovyov's debate about the «demonism» of Lermontov in the articles of Rozanov. On the example of the articles of Andrei Bely, Dmitry Merezhkovsky, Sergey Durylin shown that a system of philosophical and aesthetic universals of Lermontov is organically fit into Mythopoetics of Russian Symbolism. Furthermore, it was shown that the Article by Durylin first considered the semantics of blue in correlation with the «Sophian» mythologem in the poetry of Lermontov. Attention is paid to the article of Vyacheslav Ivanov, which summarizes the concepts of the symbolism associated to the search of Gnostic grounds of the Eternal Femininity in the mythology of Lermontov. It is concluded that the symbolist and religious-philosophical criticism recreated a complete picture of the central, Sophian myth of younger Symbolists by projecting it on Lermontov's poetic heritage.

Key words: Lermontov's creative heritage, the criticism of Russian symbolism, critical articles of Vladimir Solovyov, S.Andreevsky, V. Rozanov, Andrej Belyj, S.Durylin, Viacheslav Ivanov, Russian symbolism, religious and philosophical criticism, Sophian myth, reception, mythologization, «Lermontov's a myth».

Новый поворот в осмыслении роли творческого наследия М.Ю. Лермонтова в литературном процессе наступает с 90-х гг. XIX в., когда проходят первые юбилейные мероприятия, посвященные гибели поэта. К 1891 г. практически каждое издательство сочло необходимым издать очередное собрание сочинений М.Ю. Лермонтова: всего выходит около 20 изданий, претендовавших на исчерпывающую полноту. Именно в этот период формируется устойчивый интерес академической науки к наследию Лермонтова, определяется его значение и роль в литературном процессе, рассматриваются и устанавливаются биографические и интертекстуальные источники творчества писателя и поэта. Буквально за какие-нибудь два десятилетия фигура Лермонтова занимает прочное место на академическом олимпе. Вместе с тем именно в первом ака-

демическом издании сочинений писателя были отмечены основные аспекты рецепции Лермонтова на рубеже XIX–XX веков: «Для одних Лермонтов – поэт “сверхчеловечества”, родоначальник “нищестанства”, “человек не от мира сего” ... для других он – “истинный сын века”, “герой безвременья”. Одни слышат в поэзии Лермонтова проповедь “богоборчества”, “неприятя мира”... а другие считают ее лишь выражением известного общественного настроения... Одним кажется, что Лермонтов всю жизнь гордо враждовал с небом и землею... другие находят, что под конец своей короткой жизни поэт “просветленно примирился с миром” и его поэзия становится “художественным выражением того стиха молитвы, который служит формулой русского религиозного настроения: да будет воля Твоя”» [1, с. СХХVII].

Немаловажную лепту в изучение и восприятие Лермонтова вносит критика представителей модернистского направления (В.В. Розанова, Андрей Белый, Д.С. Мережковский, А.А. Блока, Вяч. Иванова и их близкого окружения, например С.Н. Дурылина, Б.А. Садовского). Наследие Лермонтова зачастую рассматривается ими как объект спора о религиозном и мистическом начале всякого творчества. Трудно не согласиться с тем, что система философско-эстетических универсалий поэта органично вписывалась в мифопоэтическую картину мира русского символизма, как старшей, так и младшей его ветви. С другой стороны, в стиховедческих разработках Андрея Белого и Ритмического кружка при «Мусагете»², в исследованиях С.Н. Дурылина³ намечается подход к изучению поэтического творчества Лермонтова, который не потерял свою актуальность до настоящего времени.

Отличительной особенностью культуры русского символизма является его невероятная мифогенная продуктивность. Речь идет не только о порождении культурных мифологем и способности создавать такие житнетворческие конструкции, которые могут быть описаны в понятийном ключе биографического мифа в самых разных его модификациях, но и о таком свойстве, как мифопоэтичность, присущем, прежде всего, фундаментальным принципам поэтики направления; это свойство опирается как на логику архаического мифа, так и обусловлено внутренней формой символа – его способностью указывать на сверхреальное, «субстанциальное тождество идеи и вещи»⁴.

Синкретичность, присущая мифогенным конструкциям русского символизма, обуславливает размывание границ жанра, в равной мере и границ между религиозным, философским и художественным творчеством, и этот феномен впервые основательно и последовательно возникает в творчестве Вл. Соловьева⁵. Для самоопределения символизма, унаследовавшего соловьевский

² См.: Белый Андрей. Ритм как диалектика и «Медный всадник». Исследование. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2014. 528 с. [2].

³ См.: Дурылин С.Н. Судьба Лермонтова // Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов. СПб.: Владимир Даль, 2014. 895 с. [3].

⁴ См.: Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. С. 635 [4].

⁵ См.: Маркович В.М. Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы. Статьи разных лет. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. С. 183 [5].

мифопоэтический синкретизм, принципиально значимым было выявление и реконструирование писателями-символистами и их окружением «основного», софийного мифа в его сюжетно-типологическом соотношении с мифологемой гностической Софии.

Описанию биографической мифологизации (мифотворчеству) и мифопоэтике символизма (софийной мифологеме) посвящены работы З.Г. Минц, Д.М. Магомедовой, И.С. Приходько, С.Д. Титаренко и других исследователей⁶. Вместе с тем только теперь намечается работа над осмыслением, условно говоря, той роли, которую сыграл критический модус в формировании основного, софийного мифа. Литературная критика писателей-символистов зачастую выполняет роль манифеста направления, где в полной мере устанавливаются и кодифицируются эстетические нормы и принципы литературного письма. Роль символистской критики видится в рефлексии и самоописаниях направления. Таким образом, критический метод занимает нишу, которая позднее была узаконена за литературоведческим дискурсом (гораздо более четко и основательно этот феномен проявляется в пореволюционную эпоху в работах представителей формальной школы и в филологических статьях Андрея Белого того же периода).

В 1924 году Андрей Белый, поздравляя литературного критика и филолога Иванова-Разумника с юбилеем творческой деятельности, писал: «Художественное произведение без критика-истолкователя даже не *миф*, а – потенция мифа; *мифом* впервые оно становится в душе критика-мифотворца, который, как мать, облагает зародыш *мифа* условиями творимой действительности, чтобы этот *миф* родился в действительность; духовная встреча художника с художником-критиком, его истолковывающим, есть глубочайшее таинство, рождающее воистину новую культуру и ведущее к революции Духа» [11, с. 292]. Таким образом, роль критика мыслилась Андреем Белым важным звеном не только в процессе толкования и интерпретации смысла авторского нарратива, но и в формировании в читательском сознании феномена мифологизации; именно за критическим модусом закрепляется необходимость выявления и формулирования в художественном тексте элементов мифа и его особенностей; критик определяет ключевые параметры рецептивной эстетики направления. Думается, что весьма существенной в такого рода рецепции является фигура самого автора-критика, который работает внутри направления, поскольку свойство мифологизации в критическом тексте есть, прежде всего, свойство саморефлексии.

В работе В.М. Марковича «Миф о Лермонтове на рубеже XIX–XX веков»⁷ впервые был описан общий механизм мифологизации биографии и твор-

⁶ См.: Минц З.Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3-х кн. СПб.: Искусство – СПб., 2000–2004 [6]; Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М.: Мартин, 1997. 224 с. [7]; Магомедова Д.М. Александр Блок: биография и поэтика в свете автобиографического мифа. Siedlce, 2013. (Opuscula Slavica Sedlcensia. T. V). 179 с. [8]; Приходько И.С. Мифопоэтика Александра Блока: историко-культурный и мифологический комментарий к драмам и поэмам. Владимир: Владимирский гос. ун-т, 1994. 133 с. [9]; Титаренко С.Д. «Фауст нашего века»: мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. 654 с. [10].

⁷ См.: Маркович В.М. Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы.

чества Лермонтова на примере статей Вл. Соловьева «Лермонтов»⁸ и Д. Мережковского «М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества»⁹. Действительно, трудно не согласиться с тем, что доклад и статья В.С. Соловьева оказали решающее влияние на формирование взглядов русского символизма на личность и творчество Лермонтова. В.М. Маркович раскрывает механизм мифотворчества в статье Мережковского, проводя наглядную реконструкцию скрытых форм архаической мифологизации: это и логика бинарности, это и трансформация культурного архетипа. Подход Мережковского, по мнению Марковича, наглядно демонстрирует наличие признаков мифологического мышления.

Лермонтовские темы, затронутые Соловьевым, уже звучали и в работах его предшественников, например в монографии писателя, поэта и блестящего деятеля юриспруденции Сергея Андреевского «Лермонтов. Характеристика»¹⁰. В ней наследие Лермонтова включено в систему культурологической и философской парадигмы конца XIX в. Эту работу Андреевского высоко оценил Мережковский¹¹.

По мнению Андреевского, Лермонтов не столько мистик, сколько «человек не от мира сего». Андреевский один из первых отметил наряду с глубоким знанием жизни тяготение поэта к сверхчувственному миру. В противовес представителям народнической критики, Андреевский считал, что не внешние условия среды, общественного строя, но, скорее, индивидуальные свойства личности поэта определяли стиль его поэзии как бунтарское и противоречивое стремление к диалогу с Божественным началом. Неудивительно, замечает Андреевский, что именно сюжет, связанный с легендой мироздания, с участием бесплотного духа, с грандиозными пространствами небесных сфер, неминуемо должен был особенно привлекать воображение поэта. Мысль о том, что поэма «Демон» – это воспоминание поэта «о себе до рождения», мистическое платоновское «предвоспоминание», в 1900-е годы будет особенно чутко воспринята младосимволистами. В частности, особое место этой теме уделял Мережковский. Следует отметить также и другие важные для символистской картины мира наблюдения, сделанные Андреевским, например, мысль о «двойном зрении» поэта, о сосуществовании в нем «бессмертного» и «смертного» человека. Более того, именно в статье Андреевского встречается сопоставление, которое было чрезвычайно важно для формирования структурных составляющих «основного» мифа младосимволистов о Душе Мира и Вечной Женственности. Андреевский сравнивает лермонтовского «Демона» с «Фаустом» Гёте, которые объединяет идея Вечной Женственности – *Das Ewig Weibliche*.

⁸ См.: Соловьев Вл. Лермонтов // Соловьев Вл. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. 574 с. [12].

⁹ См.: Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: РХГА, 2002. 1074 с. [13].

¹⁰ См.: Андреевский С. Литературные чтения: Баратынский, Достоевский, Гаршин, Некрасов, Лермонтов, Лев Толстой. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1891. 285 с. [14].

¹¹ См.: Мережковский Д.С. О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы. М.: Наука, 2007. 903 с. [15].

Думается, что, несмотря на различия и в то же время определенное сходство философско-эстетических установок представителей направления, отзвуки полемики с Соловьевым мы встречаем в статьях В.В. Розанова, А. Блока, С. Дурылина и в работах представителей околосимволистской критики. Эта полемическая со-противопоставленность позиции Соловьева являлась обязательным элементом формирования структурно-семиотической модели «основного» мифа этого литературного направления.

Для начала нам, вероятно, следует все обозначить два источника мифологизации образа Лермонтова, которые восходят непосредственно к философской риторике и к поэтической стилистике Владимира Соловьева: это его статья о Лермонтове и его поэзия. Если первая служит прямым источником биографической легенды о поэте-пророке, то вторая наглядно демонстрирует, какие именно аспекты входят в содержание «основного» мифа, развиваемого в мифопоэтике символистов.

Соловьев в статье о Лермонтове выстраивал легендарную биографию поэта-романтика байроновского типа, поэтическому гению которого свойственны черты поэта мистического склада, поэта-пророка, в нем присутствуют явно демонические черты (понятно, что обе эти характеристики отнюдь не противоречат друг другу). Вопрос о смерти поэта – это, прежде всего, вопрос не физической смерти, но духовной: Лермонтов обрекает себя на гибель, осуществив метафизический выбор в пользу абсолютного зла.

Подходя к лермонтовскому творчеству с моральным императивом, Соловьев продолжает мысль, обозначенную им ранее в статье «Судьба Пушкина», – о моральной ответственности поэта перед своим гением. Соловьев обнаруживает в Лермонтове близкое к нищестановлению у монашества, которое состоит в презрении к человеку и в присвоении себе какого-то исключительного сверхчеловеческого значения. Гениальность, по мысли Вл. Соловьева, есть уже сама по себе знак принадлежности к сверхчеловечеству, и в этом смысле Ницше был безусловным преемником Лермонтова.

Характерно, что для создания целостного образа поэта-пророка, наделенного даром мистического предвидения, Соловьеву понадобилась биографическая легенда, которую он почерпнул из академической монографии П.А. Висковатова «Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество»¹². Согласно этой легенде, род Лермонтовых происходит от одной из шотландских ветвей клана Лермонт, легендарным родоначальником его был поэт-бард, предсказатель и колдун Томас Лермонт из Эльсиндурна (Thomas of Erceldourne). Согласно кельтским преданиям, Томас в юном возрасте был похищен волшебными силами в царство фей, где и получил свой вещий дар. Через семь лет ему разрешено было вернуться, но с условием, чтобы он, когда за ним придут, немедленно оставил землю, и его смерть была связана с таинственным исчезновением. Согласно легенде, он предсказал гибель шотландского короля Александра III.

¹² См.: Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество // Лермонтов М.Ю. Соч.: в 6 т. Т. 6. М.: В.Ф. Рихтер, 1891. 454 с. [16].

Этот сюжет был в середине XIX в. положен в основу поэмы Вальтер Скотта «Thomas the Rhymer» («Томас-Рифмач»). Повторенная Соловьевым уже в ином, «неакадемическом» контексте, легендарная генеалогия предков Лермонтова прямо вводила в круг значимых понятий символистской эпохи представление о поэте-пророке, поэте-мистике: Лермонтов, по мысли Соловьева, был наделен даром мистического предвидения. Позднее редактор и комментатор академического собрания сочинений Лермонтова Д. Абрамович скептически отмечал: «Некоторые критики, например, В.С. Соловьев, склонны думать, что от этого-то вещего чародея и прорицателя, исчезнувшего в царстве фей, М.Ю. Лермонтов и унаследовал характерные черты своего гения: страшную силу личного чувства и способность схватывать запредельную сторону жизни и жизненных отношений»[1, с. 27].

Согласно Соловьеву, свойство мистической поэзии заключается в способности переступать через границы обычного порядка явлений, отсюда происходит особенная страсть Лермонтова к изображению любви как напряженно-мистического чувства. Вершиной пророческой способности Лермонтова было предчувствие собственной неизбежной и преждевременной смерти, которое представлено его стихотворением «Сон». Одна из ключевых тем, затронутых в статье Соловьева, – тема лермонтовского демонизма, которая неоднократно обсуждалась не только в критических статьях 1890–1900-х годов, но и в академических исследованиях, посвященных истории сравнительных литератур. Например, в работах профессора Н.П. Дашкевича рассматривались литературные источники поэмы «Демон», в частности средневековые представления о дьяволе в западноевропейской традиции (сюжеты фавль, драма Фонделя «Люцифер», поэмы «Потерянный Рай» Мильтона, «Фауст» Гете, «Каин» и «Земля и Небо» Байрона, «Eloa, la Socur des anges» Альфреда Де-Виньи, «The loves of the angels» Т. Мура). Отмечая очевидные параллели между текстом поэмы Мура и «Демоном» Лермонтова, Дашкевич, например, делал неожиданный для академического литературоведения вывод, подчеркивая, что лермонтовский Демон есть яркое олицетворение демонизма, свойственного неугомонной человеческой душе¹³.

Несколько иной подход обнаруживается в статье Вл. Соловьева, который, анализируя детский опыт поэта, указывал на то, что Лермонтов склонен идеализировать и отчасти эстетизировать злое начало в своей гениальной натуре. Соловьев рассуждает не об истоках образности и сюжетного ряда поэмы «Демон», которая вполне однозначно, с его точки зрения, отсылает к байроновской романтической традиции, но рассматривает «демонологию» Лермонтова как явление метафизического и экзистенциального порядка; личность поэта и его дурной характер отражают не что иное, как одержание «демонами», в Лермонтове жили «демон кровожадности» (способность «услаждаться деланьем зла»), «демон нечистоты» (эротизм некоторых произведений) и «третий и самый могучий – демон гор-

¹³ См.: Дашкевич Н.П. Мотивы мировой поэзии в творчестве Лермонтова: «Демон» // Чтения в Историческом Обществе Нестора летописца. Киев, 1893. Кн. 7. С. 182–253 [17].

дости». Следует отметить, что именно такое толкование понятия «демон-даймон» прижилось в рецепции символистов. Вспомним, что Соловьев написал статью «Демон» для Энциклопедического словаря Брокгауза–Эфрона, где и приводит следующее определение: «... (daimon) – вообще означает (в классич. литер.) деятеля, обладающего сверхчеловеческою силой, принадлежащего к невидимому миру и имеющего влияние на жизнь и судьбу людей. <...> Замечаемое в жизни отдельных людей преобладание благополучия или несчастья привело религиозную мысль к новому видоизменению идеи Д<емона> – к представлению особого Д<емона>, который при самом рождении дается человеку на всю его жизнь и своим характером определяет его судьбу. Счастливый человек есть тот, который получил при рождении доброго Д<емона>» [18]. Неслучайно именно это соловьевское определение Демона-спутника, не просто данного человеку при рождении, но, в особенности, сопровождающего Поэта, то есть Гения поэта, возникает среди творческих планов Сергея Дурылина: в 1910-е годы им было задумано исследование «Демоны поэтов»¹⁴. Судя по сохранившемуся черновому наброску, Дурылин задумывал рассмотреть наследие Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тютчева, Фета, К. Леонтьева и Достоевского в ракурсе присущего каждому из них водителя-демона¹⁵.

Следует заметить, что для Блока в период 1916–1917 гг. тема демонической одержимости художника соотнесена, скорее, с личностью Стриндберга, нежели Лермонтова; тогда как для Белого «Дух печали» – это, конечно же, лермонтовский Демон¹⁶. Блок возвращается к чрезвычайно важной семантической когерентности контекстов образа «демона» и темы «двойничества», которые в его более ранней статье «Безвременье» (1906) соотносимы с тремя «колдунами», «демонами» русской литературы – Гоголем, Лермонтовым и Достоевским: «Передо мной вырастают два демона, ведущие под руки третьего – слепого и могучего, пребывающего под страхом вечной пытки. Это – Лермонтов, Гоголь и Достоевский» [22, с. 27]. С одной стороны, как было отмечено З.Г. Минц, блоковский образ трех демонов русской литературы, безусловно, восходит к работе Достоевского «Ряд статей о русской литературе», где Гоголь

¹⁴ См.: Резниченко А. Сергей Дурылин: проекты и наброски (к реконструкции ландшафта) // С.Н. Дурылин и его время. Кн.1: Исследования. М.: Модест Колеров, 2010. С. 481 [19].

¹⁵ Тема «Гений как Демон поэтов» неоднократно обсуждалась в дружеском кругу младших символистов. В сохранившейся дневниковой записи Белого, которую он сделал после смерти своего друга, приводятся пометы Блока в 1-м томе «Добротолюбия» в главе «О порочных помыслах» (из Евагрия Понтийского), здесь «отчеркнуты характеристики Духа печали (Лермонтовского и Врубелевского «Демона») и сказано: “Все демоны учат душу сластолюбию, один демон печали этого не делает, но расстраивает помыслы вступающих в пустынь <...>”. Против этой характеристики рукою А.А. сделана пометка: “Этот демон необходим для художника”» [20, с. 466].

¹⁶ Ср.: в письме А.А. Блока к матери от 16 июля 1916 г.: «<...> в сочинениях монаха Евагрия (IV века), которые я прочел, есть “гениальные вещи” ... Он был человеком очень страстным, и православные переводчики, как ни старались, не могли уничтожить того действительного реализма, который роднит его, например, со Стриндбергом. Таковы главным образом главы о борьбе с бесами <...> Мне лично занято, что отношение Евагрия к демонам точно таково же, каково мое – к двойникам, например в статье о символизме» [21, с. 463–464].

и Лермонтов – «настоящие демоны», с другой – включает блоковскую типологию демонического в символистский контекст¹⁷.

Статья Вл. Соловьева оказала решающее влияние на формирование восприятия личности Лермонтова поэтами «младшей» ветви русского символизма – Александром Блоком, Андреем Белым, Вяч. Ивановым. Тема таинственного происхождения и связи поэта-прорицателя с царством фей, как нам представляется, отражена в драме Блока «Роза и Крест». Поэт-бард Гаэтан наделен чертами поэта и философа Вл. Соловьева – это «бедный рыцарь», и в то же время в его образе отражена и биографическая легенда предка Лермонтова – Фомы-Рифмача, которого воспитала озерная фея.

В 1920 г. Блок подготовил к изданию томик стихов Лермонтова и, в частности, среди «наиболее значительных» работ приводил в библиографической аннотации статьи Ап. Григорьева, Вл. Соловьева, В.В. Розанова и Д.С. Мережковского. В материалах комментария Блок неоднократно использовал статью Соловьева (в примечаниях к стихотворениям «Как часто пестрою толпою окружен...», «Сон», «Желание», «Мы случайно сведены судьбою»); в предисловии он упомянул и легенду о происхождении Лермонтова от шотландского барда: «В числе предков рода Лермонтовых, по преданию, считался шотландский поэт-колдун Фома Рифмач, который получил свой дар от волшебницы» [23, с. 213].

Статья Вл. Соловьева о Лермонтове встретила живой полемический отклик в работах В.В. Розанова. Например, в статье «"Демон" Лермонтова в окружении древних мифов» (1901)¹⁸ размышления Розанова посвящены не столько сюжету лермонтовской поэмы, сколько ее прочтению сквозь призму мифологического сознания античности. Проводя достаточно далекое «типологическое» сопоставление «снов» Достоевского («Сон смешного человека» и сон Версилова в романе «Подросток») и сюжета о соблазнении Тамары, Розанов замечает, что особенностью греческого религиозного сознания было «отсутствие греха». Вслед за Соловьевым Розанов обращается к проблеме конвертации сюжетной реалии в биографическую. В статье «"Демон" Лермонтова и его древние родичи» (1902) Розанов провозглашает Демона частью стихийной силы, природным духом, и в этом смысле «во всех стихотворениях Лермонтова есть уже начало "демона"»¹⁹. С другой стороны, лермонтовский «Демон» представляет интерес «исторический и метафизический», поскольку ставит «вопрос о начале зла и начале добра, не в моральном и узеньком, а в трансцендентном и обширном смысле». Розанов считает, что сюжет лермонтовского «Демона» есть не что иное, как воспроизведение древнего мифа о соблазнении «духом» девственницы, следы которого встречаются как в религиях Древнего Египта и Древней Греции, так нередко и в средневековых легендах о сно-

¹⁷ Подробнее эта тема раскрыта в статье Т.В. Игошевой «"Стоя над бездной...": мифологизация образа Лермонтова в статье А. Блока "Безвременье"», помещенной в данном издании.

¹⁸ См.: Розанов В.В. «Демон» Лермонтова в окружении древних мифов // Новое время. 1901. № 9146. 21 авг. (3 сент.). С. 2–3 [24].

¹⁹ См.: Розанов В.В. «Демон» Лермонтова и его древние родичи // Русский вестник. 1902. № 9 (сент.). С. 45 [25].

шениях человека с дьяволом. Разница только в том, что мифологические представления о жертве в древних культах изменяются в христианской культуре от полюса «добра» к представлению о «зле»; сюжет о соблазнении Демоном монахини, будучи помещен в контекст универсального древнего мифа о жертве, не встраивается в ряд христианской общепринятой морали. Статья Розанова была первым опытом осмысления сюжета поэмы Лермонтова сквозь призму античного мистериального культа, в ней выстраивается парадигма мифологических архетипов Небесной Девы: Астарта, Изиды, Милитта, Диана. В.В. Розанов пишет: «Лермонтов в “Демоне”, в сущности, написал один из таких мифов. Все равно, если он ничего не знал о них – это атавизм древности. В древности его стихотворение стало бы священной сагою, распеваемой орфиками, представляемой в Элевзинских таинствах» [25, с. 48].

Далее, обращаясь к теме Демона у Лермонтова и полемизируя с Соловьёвым, Розанов воспроизводит структурную составляющую соловьёвской софийной мифологемы, интерпретируя историю о явлении философу Вечной Женственности как факт его «одержимости демоном»: «Вот Соловьёв ... , высказывался, что Бог есть существо женского рода (“Вечная Мировая Женственность”, см. в предисловии к 3 изд. его стихотворений), а, по одному воспоминанию г. Энгельгардта, по ночам он иногда замирался и “молился какой-то Розовой тени”. Я никогда ей не молился, потому что не видал; но если Соловьёв молился, то, очевидно, что он ее видел! Не слову же, не фетишу звуковому он молился. Он видел “розовую тень” по сказаниям, по напечатанным словам стихотворения “Три свидания” он видел ее всего три раза: в детстве, 9 лет, в Британском музее и в Египте, причем в последний приехал по назначенному там свиданию» [26, с. 50].

Таким образом, проводя однозначную параллель между темой Вечной Женственности у Вл. Соловьёва и сюжетом поэмы «Демон», Розанов не столько отвечал Соловьёву на упрек Лермонтову в его одержимости «демонами кровожадности, нечистоты и гордости», но совершенно однозначно включал известную среди почитателей Соловьёва биографическую легенду в контекст «основного» символистского мифа. Именно в розановской интерпретации «розовая тень», явленная философу в образе Софии – Души Мира и в символе Вечной Женственности, обретает черты гностического Демона; в этом контексте уже сам Соловьёв становится одним из персонажей сюжета о Демоне-соблазнителе и соблазняемой Деве, однако «тень», явленная ему, по мнению Розанова, обладает андрогинной сущностью. Тема андрогинности Девы Софии – Девы Света, как замечает С.Д. Титаренко, вводила важную в символистском контексте тему мистического брака: «Мистический брак основан на посвячительных мистико-эротических сюжетах духовно-телесного андрогинизма, преодолением которых становится мистический брак преображенной души человека с Христом (Церковью)» [27, с. 27].

Пожалуй, первое место в конструировании «основного» мифа младших символистов принадлежало Андрею Белому. В самом первом письме к Блоку (1903 г.) Белый восторженно замечал: «Вы точно рукоположены Лермонтовым, Фетом, Соловьёвым, продолжаете их путь, освящаете, вскрываете их мысли. Необычайная современность, скажу даже преждевременность, тем не

менее, уживается с *кровной преемственностью*» [28, с. 22]. Позднее, вспоминая настроения начала 1900-х гг., Белый писал: «Мы, в Москве, с напряженным вниманием искали предвестий поэзии Соловьева; и находили у Фета и Лермонтова...» [29, с. 35]. Спор о лермонтовском наследии неизменно возникал в дружеском окружении начинающего поэта и писателя Бориса Бугаева: «Мои увлечения поэзией Соловьева он (*А.С. Петровский*) бил Лермонтовым, подчеркивая, что лучшее у Соловьева – Лермонтов, а лучшее в Лермонтове – не понято» [30, с. 439].

В статьях Белого «О теургии», «Апокалипсис нашего времени»²⁰ лермонтовская лирика неизменно сравнивается с поэзией Блока периода «Стихов о Прекрасной Даме» и с философским наследием Ницше; выявляются реминисцентные ряды поэзии Лермонтова, Соловьева и Блока. В статье «О теургии» Белый сопоставляет стихотворение Блока «Ты горишь высоко над горою» с лермонтовской «Любовью мертвеца»; Лермонтову, как и Блоку, приписывается «магизм», понимаемый как низшая, стихийная форма истинно религиозного, «теургического» искусства и жизнетворчества, как специфический комплекс чувств и стремлений, не просвещенных пониманием и верой. Привлекая стихотворения Лермонтова «Ночь» (1830), «Я видел тень блаженства; но вполне...» (1831), «Пусть я кого-нибудь люблю...» (1831), «Благодарю!» (1830), «Как небеса твой взор блистает...» (1838), «К Л. (Подражание Байрону)» (1831) и другие, Белый толкует образы «роковой» возлюбленной и утверждения о безнадёжности бытия как неосознанное «искание вечной любви и любви у Вечности». Стихотворения «Нет, не тебя так пылко я люблю...» (1841) и «Как часто, пестрою толпою окружен...» (1840), по его мысли, почти открывают чаемый софийный идеал; дуэль толкуется как неминуемый удар судьбы, трагическая, но закономерная расплата за преждевременные пророческие прозрения.

Ранняя мифопоэтика Блока получает дальнейшее осмысление в «Воспоминаниях» Андрея Белого (1923). Поэзия Лермонтова теперь рассматривается в аспекте младосимволистской картины мира; образная система лермонтовской лирики оказывается органически вплетенной в культурно-философский контекст эпохи и, в сущности, выступает своеобразным коррелятом к софийной мифологеме младших символистов: «Обнаруживая все более и более миру свой лик, она действует взором нас любящей женщины; отношения мужчины и женщины – символ иных отношений: Христа и Софии. Мужчина логической силою освобождает павшее начало Софии Ахамот, замороженное темными безднами; все в “Ней” противится свету; двойственна “она”, как Астарта. <...> Углубляясь в тему мистической философии Соловьева, мы видим ту тему “полумаской” поэзии Лермонтова; лермонтовская тема любви – есть искание вечной подруги. <...> Маска, “кора естества”; в любви Лермонтова становится уже “полумаской”; угадывается происхождение любви» [20, с. 40–41].

²⁰ См.: Белый А. О теургии // Новый путь. 1903. № 9. С. 101–123 [30]; Белый А. Апокалипсис нашего времени // Белый А. Собр. соч. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012. 590 с. [31].

Андрей Белый выстраивает генетическую линию не только ранней блоковской лирики, в которую, наряду с Лермонтовым и Вл. Соловьёвым, включены Гете, Данте, Шеллинг, Платон, Петрарка, но в целом формирует у читателя представление об архетипической парадигме софийного мифа, инварианты которого он обнаруживает в разных культурных эпохах: «В ароматный венец его поэзии вплетены раздумья Платона, Плотина, Шеллинга, Вл. Соловьёва и гимны Данте, Лермонтова, Фета. Древние гностики вместе с греческой философией всесторонне разработали учение о мировой душе и “вечно женственном” начале Божества. Шеллинг в сочинении “*Weltseele*” пытался дать учению о мировой душе естественно-научную подкладку. Гете, Данте, Петрарка сумели из любимого образа создать символ вечно женственного, соединяя универсализм гностических догматов с индивидуальными переживаниями. Фет и Лермонтов бессознательно касались того же. Вл. Соловьёв, соединяя размышления гностиков с гимнами поэтов, сказал новое слово о близком сошествии к нам лика Вечной Жены» [20, с. 210].

Доклад Д.С. Мережковского «Лермонтов – поэт сверхчеловечества», вызвавший оживленные споры среди членов Религиозно-философского общества, во многом продолжил ту линию рецепции наследия поэта, которая была намечена в статьях Розанова и Вл. Соловьёва, – мысль о метафизической природе поэзии Лермонтова²¹. Несмотря на острую полемическую заостренность своего выступления против соловьёвской интерпретации, Мережковский подводил итог десятилетнему спору. Мережковский впервые проводит однозначную параллель между соловьёвской мифологемой Вечной Женственности и поэзией Лермонтова, процитировав программное для младших символистов стихотворение: «Знайте же, Вечная Женственность ныне / В теле нетленном на землю идет». Полемизируя с Соловьёвым, Мережковский в ироническом ключе воспроизводит важные для биографического символистского мифа черты образа поэта-мистика Лермонтова: смерть поэта в интерпретации Соловьёва напоминает конец Фауста, потому что он и «потомок шотландского чернокнижника», и «предок немецкого антихриста Ницше»²².

С.Н. Дурылин в докладе «Судьба Лермонтова», прочитанном в Московском Религиозно-философском обществе в 1912 году, продолжал трактовку творчества Лермонтова в ключе младосимволистского мифа. Уже само название статьи включало ее в контекст экзистенциально-метафизических размышлений о категории «судьба Поэта», введенной в лекции и статьях Вл. Соловьёва («Судьба Пушкина») и Д. Мережковского «Судьба Гоголя»²³.

Дурылин, который в этот период активно занимался стиховедением в кружке Экспериментальной эстетики при издательстве «Мусaget» и работал над статистикой пятистопного ямба у Лермонтова, в своем докладе предпри-

²¹ См.: Усок И.Е. «Ночное светило русской поэзии»: (Мережковский о Лермонтове) // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М.: Наследие, 1999. 347 с. [32].

²² См.: Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов: поэт сверхчеловечества. С. 352.

²³ См.: Мережковский Д.С. Гоголь и чорт: Исследование. М.: Скорпион, 1906. 219 с. [33].

нял, пожалуй, первую серьезную попытку проанализировать лермонтовскую лирику, определив ее место в системе академического литературоведения. Работа Дурылина предвосхитила исследования современного стиховедения; позднее такой же метод использовал Андрей Белый в своем исследовании семантических цветовых доминант лирики Блока²⁴. Дурылин не просто вычленил синий цвет как доминантный в поэзии Лермонтова, но и соотнес его с поэтическими контекстами, тем самым впервые выявив те элементы мифопоэтики, которые и составляют семантическое ядро «основного», софийного мифа символистов²⁵. Раскрывая феноменологию синего/голубого/лазурного цвета в символике Софии, Дурылин одновременно обращался к традиции русского православного толкования софийного образа как образа Богоматери, предвосхищая тем самым одну из частей исследования П. Флоренского «Столп и утверждение истины» (1914), где речь идет о символике голубого и синего цвета в иконописи Софии²⁶.

Обращаясь к вечному сюжету лермонтовской поэмы «Демон», Дурылин полагал, что это «поэма-искупление», поэма «женского мессианизма». Кроме того, вариант гностического сюжета о падшей Софии – Ахамот, пленнице земного хаоса, ожидающей своего Спасителя, сопоставляется с фаустовским сюжетом, а именно, той его частью, где доктор Фауст в сцене «Пролога на Небе» встречает новую Маргариту, молящуюся о его спасении. Но если Гретхен спасает душу Фауста, то Тамара не может спасти Демона: «Вот почему безмерно различие Фауста и Демона, Маргариты и Тамары: там – Chorus mysticus, славословящий Вечную Женственность, здесь – проклятия обманувшегося Демона» [3, с. 283]. Привлекая в систему культурно-мифологических парадигм поэмы «Демон» Vita Nuova Данте, Дурылин напоминает о двух принципиально двойственных ипостасях образа Беатриче: это и реальная девушка, и ее символический аспект. Земная Беатриче не может быть истинной спасительницей героя – в этом суть гностического сюжета, переосмысленного в мифопоэтической системе младших символистов, ведь третьей ипостасью пары София – Ахамот будет её реальное воплощение в земной женщине.

Знаменательно, что к «основному» мифу поэмы Лермонтова «Демон» возвращается Вяч. Иванов в своей поздней статье о Лермонтове (1947)²⁷, где он суммировал восприятие творческого наследия поэта в ракурсе младосимволистской софийной мифологемы. По мысли автора, в основе поэмы лежит архетипический сюжет, истолкованный в ключе гностического мифа о Предвечной Женственности. Вяч. Иванов добавляет еще один источник, важный для дополнения картины софийной мифопоэтики символистов, – роман Новалиса

²⁴ См.: Андрей Белый. О Блоке: Воспоминания, статьи, дневники, речи. М.: Автограф, 1997. 607 с. [20].

²⁵ Ср., например: «Лермонтов увидел вселенную и природу в свете “лазурного огня”, как Вл. Соловьев увидел ее впоследствии, еще действенной и явной, в свете “лазурного ока”» [3, с. 295].

²⁶ См.: Флоренский П. Столп и утверждение Истины. М.: Правда, 1990. 490 с. [34].

²⁷ См.: Иванов Вяч. Лермонтов // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Брюссель, 1987. 800 с. [35].

«Генрих фон Офтердингер», герой которого тоскует о земной девушке Софии, тогда как ее символическим коррелятом выступает София Небесная. Таким образом, «основной» миф поэмы Лермонтова «Демон», по мнению Вяч. Иванова, основан на внутреннем созерцании архетипа «Небесной Девы». Этот миф Иванов считал исконно присущим и органичным русскому религиозному сознанию, в основе которого лежит склонность к глубоко мистическому созерцанию видения библейской Премудрости Божьей: «Несомненно, что с начала христианской эры ни одной женской сущности не приписывалось извечного бытия – ab aeterno – кроме как одной, неизменно пребывающей в своем единстве и в своем недостижимом бытии, той, которую мы знаем под разными именами, символами, космогоническими обозначениями: Хохма кабалистов, Ахамот гностиков, Дева Света мандеев, мистическая Роза суфийской поэзии и еврейских средневековых легенд» [35, с. 382]. Задумываясь о возможных источниках этого архетипа у Лермонтова, Иванов предполагает, что на него мог оказать непосредственное влияние именно библейский образ.

Таким образом, символистская и религиозно-философская критика воссоздавала целостную картину софийного мифа младосимволистов, проецируя его на поэтическое наследие Лермонтова.

Список литературы

1. Абрамович Д.И. М.Ю. Лермонтов. Обзор источников для биографии // Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: в 5 т. Т. 5. СПб.: Изд-во Разряда изящной словесности Императорской Академии наук, 1910–1913.
2. Белый Андрей. Ритм как диалектика и «Медный всадник». Исследование. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2014. 528 с.
3. Дурьлин С.Н. Судьба Лермонтова // Дурьлин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов. СПб.: Владимир Даль, 2014. 895 с.
4. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.
5. Маркович В.М. Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы. Статьи разных лет. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. 216 с.
6. Минц З.Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3 кн. СПб.: Искусство – СПб., 2000–2004.
7. Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М.: Мартин, 1997. 224 с.
8. Магомедова Д.М. Александр Блок: биография и поэтика в свете автобиографического мифа. Siedlce, 2013. (Opuscula Slavica Sedlensis. T. V). 179 с.
9. Приходько И.С. Мифопоэтика Александра Блока: историко-культурный и мифологический комментарий к драмам и поэмам. Владимир: Владим. гос. ун-т, 1994. 133 с.
10. Титаренко С.Д. «Фауст нашего века»: мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. 654 с.
11. Лавров А.В. Андрей Белый и Иванов–Разумник. Переписка. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с.
12. Соловьев Вл. Лермонтов // Соловьев Вл. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. 574 с.
13. Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М.Ю. Лермонтов: pro et contra: Антология. СПб.: РХГА, 2002. 1074 с.
14. Андреевский С. Литературные чтения: Баратынский, Достоевский, Гаршин, Некрасов, Лермонтов, Лев Толстой. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1891. 285 с.

15. Мережковский Д.С. О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы. М.: Наука, 2007. 903 с.
16. Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество // Лермонтов М.Ю. Соч.: в 6 т. Т. 6. М.: В.Ф. Рихтер, 1891. 454 с.
17. Дашкевич Н.П. Мотивы мировой поэзии в творчестве Лермонтова: «Демон» // Чтения в Историческом Обществе Нестора летописца. Киев, 1893. Кн. 7. С. 182–253.
18. Соловьев В.С. Демон // Философский словарь Владимира Соловьева. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 114–119.
19. Резниченко А. Сергей Дурьлин: проекты и наброски (к реконструкции ландшафта) // С.Н. Дурьлин и его время. Кн. 1: Исследования. М.: Модест Колеров, 2010. 512 с.
20. Андрей Белый о Блоке: Воспоминания, статьи, дневники, речи. М.: Автограф, 1997. 607 с.
21. Блок А.А. Письма // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. 772 с.
22. Блок А.А. Безвременье // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. 800 с.
23. Блок А.А. Стихотворения М.Ю. Лермонтова: Комментарии // Блок А.А. Собр. соч.: в 12 т. Т. 11. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. 475 с.
24. Розанов В.В. «Демон» Лермонтова в окружении древних мифов // Новое время. 1901. № 9146. 21 авг. (3 сент.). С. 2–3.
25. Розанов В.В. «Демон» Лермонтова и его древние родичи // Русский вестник. 1902. № 9 (сент.). С. 45–56.
26. Розанов В.В. Концы и начала, «божественное» и «демоническое», боги и демоны: по поводу главного сюжета Лермонтова // Мир искусства. 1902. Т. 8, № 8 (август). С. 122–137.
27. Титаренко С.Д. Мифопоэтика Вячеслава Иванова в контексте идей русского символизма: истоки, генезис, стратегии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2013. 47 с.
28. Андрей Белый и Александр Блок: Переписка. 1903–1919. М., 2001. 667 с.
29. Белый А. На рубеже двух столетий. М.: Худож. лит., 1989. 543 с.
30. Белый А. О теургии // Новый путь. 1903. № 9. С. 101–123.
31. Белый А. Апокалипсис нашего времени // Белый А. Собр. соч. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012. 590 с.
32. Усок И.Е. «Ночное светило русской поэзии»: (Мережковский о Лермонтове) // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М.: Наследие, 1999. 347 с.
33. Мережковский Д.С. Гоголь и чорт: Исследование. М.: Скорпион, 1906. 219 с.
34. Флоренский П. Столп и утверждение Истины. М.: Правда, 1990. 490 с.
35. Иванов Вяч. Лермонтов // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Брюссель, 1987. 800 с.

References

1. Abramovich, D.I. M.Yu. Lermontov. Obzor istochnikov dlya biografii [Review of sources for a biography], in Lermontov, M.Yu. *Polnoe sobranie sochineniy v 5 t., t. 5* [Collected edition in 5 vol., vol. 5], Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Razryada izyashchnoy slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk, 1910–1913.
2. Belyy, Andrey. *Ritm kak dialektika i «Mednyy vsadnik»*. *Issledovanie* [Rhythm as Dialectics and «The Bronze Horseman». Research], Moscow: Izdatel'stvo «Dmitriy Sechin», 2014. 528 p.
3. Durylin, S.N. Sud'ba Lermontova [Lermontov's destiny], in Durylin, S.N. *Stat'i i issledovaniya 1900–1920 godov* [Articles and Research 1900–1920 Years], Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2014. 895 p.
4. Losev, A.F. *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on Ancient Symbolism and Mythology], Moscow: Mysl', 1993. 959 p.
5. Markovich, V.M. *Pushkin i Lermontov v istorii russkoy literatury. Stat'i raznykh let* [Pushkin and Lermontov in the History of Russian Literature. Articles of Different Years], Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1997. 216 p.

6. Mints, Z.G. *Blok i russkiy simvolizm: Izbrannye trudy v 3 kn.* [Blok and Russian Symbolism. Selected Works in 3 books], Saint-Petersburg: Iskusstvo – SPb., 2000–2004.
7. Magomedova, D.M. *Avtobiograficheskiy mif v tvorchestve A. Bloka* [Autobiographical Myth in the Works of Blok], Moscow: Martin, 1997. 224 p.
8. Magomedova, D.M. *Aleksandr Blok: biografiya i poetika v svete avtobiograficheskogo mifa* [Alexander Blok: biography and poetics in the light of Autobiographical Myth], Siedlce, 2013. (Opuscula Slavica Sedlcensia. T. V). 179 p.
9. Prikhod'ko, I.S. *Mifopoetika Aleksandra Bloka: istoriko-kul'turnyy i mifologicheskiy komentarii k dramam i poemam* [Mythopoetics of Alexander Blok: Historical, Cultural and the Mythological Comment to the Drama and the Poems], Vladimir: Vladimirskiy gosudarstvennyy universitet, 1994. 133 p.
10. Titarenko, S.D. *«Faust nashego veka»: mifopoetika Vyacheslava Ivanova* [«Faust of Our Century»: Mythopoetics of Vyacheslav Ivanov], Saint-Petersburg: Izdatel'skiy dom «Petropolis», 2012. 654 p.
11. Lavrov, A.V. *Andrey Belyy i Ivanov–Razumnik. Perepiska* [The Correspondence], Saint-Petersburg: Atheneum; Feniks, 1998. 736 p.
12. Solov'ev, V.I. Lermontov [Lermontov], in Solov'ev, V.I. *Stikhotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika* [Poems. Aesthetics. Literary Criticism], Moscow: Kniga, 1990. 574 p.
13. Merezhkovskiy, D.S. M.Yu. Lermontov. Poet sverkhchelovechestva [Lermontov. Poet superhumanity], in Merezhkovskiy, D.S. *V tikhom omute. Stat'i i issledovaniya raznykh let* [In the Still Waters. Articles and Studies Over the Years], Moscow: Sovetskiy pisatel', 1991. 496 p.
14. Andreevskiy, S. *Literaturnye chteniya: Baratynskiy, Dostoevskiy, Garshin, Nekrasov, Lermontov, Lev Tolstoy* [Litarary readings: Baratynskiy, Dostoevskiy, Garshin, Nekrasov, Lermontov, Lev Tolstoy], Saint-Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1891. 285 p.
15. Merezhkovskiy, D.S. O prichinakh upadka i novykh techeniyakh sovremennoy russkoy literatury [On the Causes of Decadence and New Trends of Modern Russian Literature], in Merezhkovskiy, D.S. *Vechnye sputniki: Portrety iz vseмирnoy literatury* [Eternal Companions: Portraits of World Literature], Moscow: Nauka, 2007. 903 p.
16. Viskovatov, P.A. Mikhail Yur'evich Lermontov. Zhizn' i tvorchestvo [Life and Works], in Lermontov, M. Yu. *Sochineniya v 6 t., t. 6* [Collected edition v 6 vol., vol. 6], Moscow: VF Rikhter, 1891. 454 p.
17. Dashkevich, N.P. Motivy mirovoy poezii v tvorchestve Lermontova: «Demon» [Motives of the World Poetry in the Works of Lermontov: «Demon»], in *Chteniya v Istoricheskoy Obshchestve Nestora Letopistsa* [Readings in the Historical Society of Nestor the Chronicler], Kiev, 1893, kn. 7, pp. 182–253.
18. Solov'ev, V.S. Demon, in *Filosofskiy slovar' Vladimira Solov'eva* [Philosophical Dictionary of Vladimir Solovyov], Moscow: Direkt-Media, 2012, pp. 114–119.
19. Reznichenko, A. Sergey Durylin: proekty i nabroski (k rekonstruktsii landshafta) [Sergey Durylin: Projects and Sketches (the Reconstruction of the Landscape)], in *S.N. Durylin i ego vremya. Kn.1: Issledovaniya* [S.N. Durylin and His Epoch. Book 1: Research], Moscow: Modest Kolerov, 2010. 512 p.
20. *Andrey Belyy o Bloke: Vospominaniya, stat'i, dnevniky, rechi* [Andrey Bely about Blok: memoirs, articles, diaries, speeches], Moscow: Avtograf, 1997. 607 p.
21. Blok, A.A. Pis'ma [Letters], in Blok, A.A. *Sobranie sochineniy v 8 t., t. 8* [Collected Edition in 8 vol., vol. 8], Moscow; Leningrad: Goslitizdat, 1963. 772 p.
22. Blok, A.A. Bezzvremen'e [Timelessness], in Blok, A.A. *Sobranie sochineniy v 8 t., t. 5* [Collected Edition in 8 vol., vol. 5], Moscow; Leningrad: Goslitizdat, 1962. 800 p.
23. Blok, A.A. Stikhotvoreniya M.Yu. Lermontova: Kommentarii [Lermontov's poems: commentaries], in Blok, A.A. *Sobranie sochineniy v 12 t., t. 11* [Collected Edition in 12 vol., vol. 11], Leningrad: Izdatel'stvo pisateley v Leningrade, 1934. 475 p.
24. Rozanov, V.V. «Demon» Lermontova v okruzenii drevnikh mifov [Lermontov's «Demon» Surrounded by Ancient Myths], in *Novoe vremya*, 1901, 21 avg. (3 sent.), no. 9146, pp. 2–3.

25. Rozanov, V.V. «Demon» Lermontova i ego drevnie rodichi [Lermontov's «Demon» and its Ancient Relatives], in *Russkiy vestnik*, 1902, № 9 (sent.), pp. 45–56.
26. Rozanov, V.V. Kontsy i nachala, «bozhestvennoe» i «demonicheskoe», bogi i demony: Po povodu glavnogo syuzheta Lermontova [Ends and Beginnings, «Divine» and «Demonic», the Gods and Demons: Regarding the Main plot of Lermontov], in *Mir Iskusstva*, 1902, vol. 8, pp. 122–137.
27. Titarenko, S. D. *Mifopoetika Vyacheslava Ivanova v kontekste idey russkogo simvolizma: istoki, genezis, strategii*. Avtoref. diss. d-a filolog. nauk [Mythopoetics of Vyacheslav Ivanov within the Context of Ideas of Russian Symbolism: the Origins, Genesis, Strategy. Abstract of the Dr. of Philology Diss.], Saint-Petersburg, 2013. 47 p.
28. *Andrey Belyy i Aleksandr Blok: Perepiska 1903–1919* [Andrey Bely and Aleksandr Blok: correspondence 1903–1919], Moscow: Progress-Pleyada, 2001. 667 p.
29. Belyy, A. *Na rubezhe dvukh stoletiy* [On the Turn of the Century], Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1989. 543 p.
30. Belyy, A. O teurgii [About the Theurgy], in *Novyy put'*, 1903, no. 9, pp. 101–123.
31. Belyy, A. Apokalipsis nashogo vremeni [The Apocalypse of our time], in Belyy, A. *Sobranie sochineniy. Arabeski. Kniga statey. Lug zelenyy. Kniga statey* [Collected edition. Arabesque: The Book of articles. Meadow Green: The Book of Articles], Moscow: Respublika; Dmitriy Sechin, 2012. 590 p.
32. Usok, I.E. «Nochnoe svetilo russkoy poezii»: (Merezhkovskiy o Lermontove) [«The Night Celestial of Russian Poetry»: Merezhkovskij about Lermontov], in *D.S. Merezhkovskiy: Mysl' i slovo* [D. S. Merezhkovskij: Thought and Word], Moscow: Nasledie, 1999. 347 p.
33. Merezhkovskiy, D.S. *Gogol' i chort: Issledovanie* [Gogol and the Devil: Research], Moscow: Skorpiion, 1906. 219 p.
34. Florenskiy, P. *Stolp i utverzhdenie Istiny* [The Pillar and Ground of Truth], Moscow: Pravda, 1990. 490 p.
35. Ivanov, Vyach. Lermontov, in Ivanov, Vyach. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 4* [Celelected edition in 4 vol., vol. 4], Bryussel', 1987. 800 p.

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2)5-022.34

«СТОЯ НАД БЕЗДНОЙ...»: МИФОЛОГИЗАЦИЯ ОБРАЗА ЛЕРМОНТОВА В СТАТЬЕ А. БЛОКА «БЕЗВРЕМЬЕ»

Т.В. ИГОШЕВА

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41, г. Великий Новгород, 173001, Российская Федерация
E-mail: tigosheva@mail.ru

Исследуется проблема рецепции «внутренней личности» М.Ю. Лермонтова русским символизмом, в частности А. Блоком. В связи с этим поднимается ряд вопросов, связанных с изучением «лермонтовского мифа» в русской культуре Серебряного века. Рассматриваются причины того, что образ Лермонтова в сознании человека начала XX века формировался во многом как образ мифологизированный. Подчеркивается, что миф о Лермонтове в начале XX века являлся частью универсальной символистской мифологии, в рамках которой Лермонтов интересовал символистов как личность с «внутренними событиями личной жизни», находящаяся в контакте со сверхличностным. Предлагается развернутый анализ фрагмента блоковской статьи «Безвремяе», посвященной образу Лермон-